О СВОБОДЕ ДОГОВОРА И ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПОСЛЕДСТВИЯХ РАСТОРЖЕНИЯ ДОГОВОРА ЛИЗИНГА

Егорова Анастасия Викторовна
Одиннадцатый арбитражный апелляционный суд
заместитель руководителя секретариата председателя суда

Аннотация. Статья посвящена исследованию института свободы договора применительно к согласованию сторонами договора лизинга имущественных последствий его расторжения. Автор рассматривает вопрос о допустимости установления в договоре лизинга порядка определения завершающих обязанностей (имущественных предоставлений) сторон на случай его расторжения, отличного от порядка, предусмотренного разъяснениями Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, проводя анализ арбитражной судебной практики и современного судебного регулирования данного вопроса Верховным Судом Российской Федерации. В статье обращено внимание на необходимость соблюдения общеправового принципа недопущения злоупотребления правом при согласовании сторонами договора лизинга имущественных последствий расторжения договора.

Ключевые слова: свобода договора, договор лизинга, расторжение договора, условие договора, имущественные последствия расторжения договора

В последние годы наблюдается тенденция к возрастанию интереса как бизнеса, так и частных лиц к институту лизинга в качестве альтернативы кредитованию.

В свое время Конституционный Суд Российской Федерации обратил внимание на схожесть кредитного договора и договора лизинга, отметив, что «лизинговая деятельность — это вид инвестиционной деятельности по приобретению имущества (предмета лизинга) и передаче его в лизинг: лизингодатель при помощи финансовых средств (в том числе бюджетных) оказывает лизингополучателю своего рода финансовую услугу, приобретая имущество в свою собственность и передавая его во владение и пользование лизингополучателю (ст. 11 Закона о лизинге), а стоимость этого имущества возмещая за счет периодических лизинговых платежей, образующих его доход от инвестиционной деятельности»[1].

Не вдаваясь в исследование причин такого внимания к договору лизинга, коих немало, начиная от социально-экономических и заканчивая правовыми, в настоящей статье хотелось бы остановиться на вопросе о пределах свободы договора в контексте определения сторонами договора лизинга имущественных последствий его расторжения, рассмотрев его посредством анализа различных правовых подходов, имеющихся в судебно-арбитражной практике.

По общему правилу в договоре выкупного лизинга имущественный интерес лизингодателя заключается в размещении и последующем возврате с прибылью денежных средств, а имущественный интерес лизингополучателя — в приобретении предмета

[1] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 июля 2011 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 статьи 93.4 Бюджетного кодекса Российской Федерации, части 6 статьи 5 Федерального закона «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в части регулирования бюджетного процесса и приведении в соответствие с бюджетным законодательством Российской Федерации отдельных законодательных актов Российской Федерации» и статьи 116 Федерального закона «О федеральном бюджете на 2007 год» в связи с запросом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации» // Российская газета. 2011. 12 августа

лизинга в собственность за счет средств, предоставленных лизингодателем, и при его содействии[2].

Именно размер имущественных предоставлений сторон договора лизинга друг другу и становится предметом споров при расторжении последнего.

В пунктах 3.1—3.3 Постановления Пленума ВАС РФ № 17 закреплен правовой подход, согласно которому расторжение договора выкупного лизинга, в том числе по причине допущенной лизингополучателем просрочки уплаты лизинговых платежей, не должно влечь за собой получение лизингодателем таких благ, которые поставили бы его в лучшее имущественное положение, чем то, в котором он находился бы при выполнении лизингополучателем договора в соответствии с его условиями (п. 3, 4 ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ)[3]).

В то же время расторжение договора выкупного лизинга по причине просрочки лизингополучателя в оплате не должно приводить к освобождению лизингополучателя от обязанности по возврату финансирования, полученного от лизингодателя, внесения платы за финансирование и возмещения причиненных лизингодателю убытков (ст. 15 ГК РФ), а также иных предусмотренных законом или договором санкций.

В связи с этим расторжение договора выкупного лизинга порождает необходимость соотнести взаимные предоставления сторон по договору, совершенные до момента его расторжения (сальдо встречных обязательств), и определить завершающую обязанность одной стороны в отношении другой.

Сама методика соотнесения взаимных предоставлений сторон договора (метод сальдирования) выкупного лизинга изложена в пунктах 3.2—3.6 Постановления Пленума ВАС РФ № 17.

Исходя из смысла пунктов 3.1—3.3 Постановления, суть сальдирования заключается в справедливом, обеспечивающем баланс прав и обязанностей сторон договора лизинга и исключающем неосновательное обогащение одной из них распределении между ними имущественных последствий расторжения договора. В пунктах 3.2, 3.3 не случайно сделан акцент на том, что плата за финансирование взимается за время, прошедшее до фактического возврата этого финансирования. В этом плане идея метода сальдирования напоминает правило расторжения договора в судебном порядке вследствие существенно изменившихся обстоятельств, согласно которому суд, применяя общие правила о последствиях расторжения договора, по требованию любой из сторон должен обеспечить справедливое распределение между сторонами расходов, понесенных ими в связи с исполнением этого договора (п. 3 ст. 451 ГК РФ)[4].

На протяжении длительного времени в правоприменительной и судебной практике вставал вопрос о праве сторон договора лизинга на установление сальдо взаимных обязательств иным образом. В большинстве случаев речь шла о праве лизингодателя на получение лизинговых платежей (платы за финансирование) за все время действия договора лизинга, несмотря на его досрочное расторжение и изъятие у лизингополучателя предмета лизинга.

В одном из дел, рассмотренных Верховным Судом Российской Федерации (далее — ВС РФ)[5], лизингополучатель просил взыскать с лизингодателя аванс по договору лизинга и уплаченные при исполнении договора платежи, полагая, что лизингодатель скрыто включил в состав периодических лизинговых платежей выкупную стоимость предмета

---

[2] См.: пункт 2 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14 марта 2014 г. № 17 «Об отдельных вопросах, связанных с договором выкупного лизинга» (далее — Постановление Пленума ВАС РФ № 17) // Вестник ВАС РФ. 2014. № 5

[3] СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301

[4] Витрянский В.В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. М., 2018. Цит. по: СПС «КонсультантПлюс»

[5] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 4 августа 2015 г. № 310-ЭС15-4563 по делу № А68-2906/2014 // Документ опубликован не был. Источник — СПС «КонсультантПлюс»

лизинга, хотя последний и оставался в собственности лизингодателя до момента выкупа после оплаты всех платежей по договору.
Как следует из текста определения ВС РФ, между лизингодателем и лизингополучателем был заключен договор лизинга, по условиям которого в случае, если предмет лизинга будет полностью утрачен, лизингополучатель обязуется выкупить предмет лизинга и уплатить лизингодателю сумму разницы между суммой, необходимой для досрочного выкупа предмета лизинга (задолженность по лизинговым платежам, задолженность по пеням и штрафам, дополнительные расходы по договору, а также сумма оставшихся лизинговых платежей), и суммой полученного лизингодателем страхового возмещения.
В связи с полной гибелью предмета лизинга стороны договора заключили соглашение о прекращении договора, определили сумму закрытия договора и сумму, подлежащую возврату лизингополучателю, составляющую разницу между страховым возмещением и суммой закрытия договора, а также лизинговый платеж за месяц, следующий за месяцем наступления страхового случая.
Отменяя судебные акты нижестоящих судов в части удовлетворения исковых требований о взыскании с лизингодателя в пользу лизингополучателя неосновательного обогащения и отказывая в указанной части в удовлетворении иска, ВС РФ обосновал свою позицию нормами о свободе договора, указав следующее.
Принцип свободы договора применяется к соглашениям сторон об изменении и расторжении договора наряду с иными видами договорных соглашений.
Заключенное сторонами дополнительное соглашение фактически являлось соглашением о последствиях расторжения договора в связи с утратой его предмета и определяло завершающую обязанность лизингодателя иным образом, чем предусмотрено разъяснениями, содержащимися в пунктах 3—3.6 Постановления Пленума ВАС РФ № 17. Однако это не противоречит принципу свободы договора, поскольку данные разъяснения не относятся к императивным нормам. Следовательно, отличие условий соглашения от содержания указанных разъяснений само по себе не может служить основанием для неприменения договоренностей, достигнутых сторонами.
ВС РФ также подчеркнул, что, поскольку в момент гибели предмет лизинга находился в сфере имущественной ответственности лизингополучателя, такое распределение убытков при прекращении договора, в результате которого лизингодатель получает от него те же имущественные предоставления, как если бы договор лизинга был исполнен надлежащим образом, не может рассматриваться как нарушающее грубым образом баланс интересов сторон и ущемляющее интересы слабого контрагента (лизингополучателя), в силу чего обязательство, установленное дополнительным соглашением, подлежит исполнению на основании статьи 309 ГК РФ.
Оценивая спорную денежную сумму, полученную лизингодателем, с точки зрения статьи 1102 ГК РФ, ВС РФ указал, что, поскольку последствия расторжения договора лизинга урегулированы соглашением сторон, у суда не имелось оснований квалифицировать ее в качестве неосновательного обогащения лизингодателя, правомерно получившего денежные средства.
Таким образом, ВС РФ сформулировал правовой подход, согласно которому стороны договора лизинга вправе своим соглашением установить последствия расторжения договора, отличные от тех, что предусмотрены в содержащихся в Постановлении Пленума ВАС РФ № 17 разъяснениях.
Следует отметить, что и в договоре лизинга, и в соглашении о расторжении договора стороны использовали единый подход к определению взаиморасчетов в случае гибели предмета лизинга, договорившись о том, что при наступлении указанного обстоятельства расчеты осуществляются так, как если бы право собственности на предмет лизинга перешло к лизингополучателю. Между тем оценка возможности иного регулирования завершающих обязанностей сторон по договору лизинга при его расторжении, отличного от предусмотренного в Постановлении Пленума ВАС РФ № 17, была дана ВС РФ

применительно к соглашению о расторжении договора. Объяснение этому видится в том, что соглашение в данном случае являлось самостоятельной сделкой, представляющей собой, по сути, соглашение об урегулировании взаимных требований сторон в связи с расторжением договора. Анализируя спорное соглашение, ВС РФ указал, что в нем стороны определили последствия расторжения договора в связи с утратой его предмета, распределили убытки, возникшие от гибели предмета лизинга, и определили завершающую обязанность лизингодателя перед лизингополучателем. Платежи по такому соглашению имели правовую природу, отличную от правовой природы платежей, подлежащих уплате по договору лизинга, соответственно, разъяснения, приведенные в Постановлении Пленума ВАС РФ № 17, как таковые (вне зависимости от того, что они не относятся к императивным нормам), не могли быть применены к данному соглашению.

И хотя ВС РФ не дал прямого ответа на вопрос о возможности включения непосредственно в договор лизинга условий об определении сальдо встречных обязательств на случай расторжения договора не по методике, предусмотренной Постановлением Пленума ВАС № 17, он, как представляется, обозначил принципиальную позицию, которая должна была стать ориентиром и при толковании в судебной практике таких условий договора, а именно: определяя иные последствия расторжения договора лизинга, надлежит учитывать пределы свободы договора, выработанные судебной практикой.

Полагаем, приведенное понимание согласуется с разъяснениями, содержащимися в абзаце втором пункта 2 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 6 июня 2014 г. № 35 «О последствиях расторжения договора»[6]. В частности, А.Г. Карапетов обращает внимание на то, что «иные последствия расторжения договора могут быть установлены соглашением сторон, если соблюдены общие ограничения свободы договора, определенные в Постановлении Пленума ВАС РФ от 14 марта 2014 г. № 16»[7]. Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, исходя из ст. 1 и 421 ГК РФ, принцип свободы договора предполагает добросовестность действий сторон, разумность и справедливость его условий, включая их соответствие действительному экономическому смыслу заключаемого соглашения[8].

В более поздних определениях ВС РФ высказывал позицию, согласно которой в подобных спорах, учитывая принцип свободы договора, необходимо исходить из приоритета договорных условий. Так, в Определении от 31 октября 2018 г. № 305-ЭС18-12773 по делу № А40-241081/2017 ВС РФ указал, что «поскольку предмет лизинга утрачен, договор лизинга прекращен на основании статьи 416 ГК РФ и в нем предусмотрены последствия прекращения обязательств, выводы суда апелляционной инстанции о применении к отношениям сторон положений Постановления [Пленума ВАС РФ] № 17 являются ошибочными». Вместе с тем, отменяя решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции и направляя дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, ВС РФ обратил внимание на необходимость при новом рассмотрении спора дать квалификацию спорным условиям договора лизинга с учетом правил толкования, предусмотренных статьей 431 ГК РФ, а также разъяснений, содержащихся в пунктах 9—11 Постановления Пленума Высшего Арбиражного Суда Российской Федерации от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах» (далее — Постановление ВАС РФ

---

[6] Вестник ВАС РФ. 2014. № 8

[7] Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307—453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. М., 2017. Электронное издание. Редакция 1.0. Цит. по: СПС «КонсультантПлюс»

[8] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 4 февраля 2014 г. № 222-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Балтийский лизинг» на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 3 статьи 421, пунктом 1 статьи 454, пунктом 1 статьи 624, пунктом 1 статьи 1102 Гражданского кодекса Российской Федерации и пунктом 1 статьи 19 Федерального закона «О финансовой аренде (лизинге)» // Документ опубликован не был. Источник — СПС «КонсультантПлюс»

о свободе договора)[9]. Однако в связи с тем, что при новом рассмотрении дела производство по делу было прекращено на основании заключенного сторонами и утвержденного судом мирового соглашения, спорные условия договора не получили правовой оценки[10].

Практика окружных арбитражных судов складывалась по-разному. Например, Арбитражным судом Московского округа (далее — АС МО) методика расчета сальдо, приведенная в Постановлении Пленума ВАС РФ № 17, признавалась рекомендательной для случаев, когда иные последствия расторжения договора лизинга не оговорены сторонами в самом договоре, а потому не применялась в ситуации, когда последствия расторжения лизинга были урегулированы договором.

В частности, в постановлении от 22 сентября 2021 г. № Ф05-18916/2021 по делу № А40-234826/2020 АС МО указал следующее: «…заключенный сторонами договор лизинга предусматривал порядок распределения имущественных последствий при условии его досрочного расторжения в частности в связи с гибелью предмета лизинга… при этом названный пункт общих правил финансовой аренды (лизинга) недействительным не признан, в связи с чем, суды пришли к выводу, что при расчете сальдо встречных обязательств необходимо применять именно порядок распределения имущественных последствий, установленный соглашением сторон, а не методику расчета сальдо, содержащуюся в Постановлении Пленума ВАС РФ [№ 17]»[11].

В другом деле АС МО отметил, что поскольку «стороны согласовали иной порядок, правила определения завершающей обязанности, установленные в Постановлении Пленума [ВАС РФ № 17], в данном случае не применяются». Интересен тот факт, что в этом деле договор лизинга предусматривал условие об уплате лизингополучателем при досрочном расторжении договора суммы закрытия сделки, включающей в себя сумму предстоящих лизинговых платежей до конца срока лизинга по графику платежей и текущую задолженность на дату расторжения договора, а также выкупную цену, которое суды не признали противоречащим закону[12].

Аналогичная позиция о неприменении установленных в Постановлении Пленума ВАС РФ № 17 правил определения завершающих обязанностей сторон договора лизинга в случае согласования сторонами иного порядка в договоре обнаруживается в практике Арбитражного суда Центрального округа. Рассмотрев и оставив без удовлетворения кассационную жалобу лизингополучателя на судебные акты судов нижестоящих инстанций, отказавших в удовлетворении требований лизингополучателя о признании договора лизинга прекращенным, взыскании с лизингодателя переплаты по лизинговым платежам, авансового платежа, а также процентов за пользование чужими денежными средствами, коллегия судей в постановлении от 7 декабря 2017 г. № Ф10-5203/2017 по делу № А62-470/2017, сославшись на Определение ВС РФ от 4 августа 2015 г. № 310-ЭС15-4563, указала следующее: «…в договоре лизинга, с учетом положений правил лизинга автотранспортных средств, стороны фактически договорились о том, что в случае гибели предмета лизинга расчеты между сторонами осуществляются так, как если бы право собственности на предмет лизинга перешло к лизингополучателю… судебные

---

[9] Вестник ВАС РФ. 2014. № 5

[10] Документ опубликован не был. Источник — СПС «КонсультантПлюс». См. также: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. по делу № 305-ЭС18-14122, А40-7874/2018 // Документ опубликован не был. Источник — СПС «КонсультантПлюс»

[11] Документ опубликован не был. Источник — СПС «КонсультантПлюс». См. также: постановления Арбитражного суда Московского округа от 21 декабря 2020 г. № Ф05-21468/2020 по делу № А40-342259/2019; от 5 июля 2021 г. № Ф05-14028/2021 по делу № А40-158068/2020 // Документы опубликованы не были. Источник — СПС «КонсультантПлюс»

[12] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 11 октября 2017 г. № Ф05-13967/2017 по делу № А40-21921/2017 (Определением ВС РФ от 26 декабря 2017 г. № 305-ЭС17-19275 отказано в передаче дела в Судебную коллегию по экономическим спорам для пересмотра в порядке кассационного производства) // Документ опубликован не был. Источник — СПС «КонсультантПлюс»

инстанции обоснованно указали, что правила лизинга автотранспортных средств фактически являются соглашением, в котором предусмотрен порядок расчетов сторон в случае утраты предмета лизинга. При этом, даже если определение завершающей обязанности лизингодателя было осуществлено не в соответствии с разъяснениями, содержащимися в пунктах 3—3.6 Постановления Пленума [ВАС РФ] № 17, это не противоречит принципу свободы договора...»[13].

Встречается и другой подход арбитражных судов, при котором условия договора лизинга об определении имущественных последствий его расторжения (завершающих обязанностей сторон), отличных от предусмотренных разъяснениями ВАС РФ, оцениваются не только с точки зрения принципа свободы договора, но и на наличие признаков злоупотребления правом. Следует согласиться с Ю.А. Метелевой в том, что «принцип свободы договора не беспредельный. Он ограничен другим принципом — недопущения злоупотребления правом, который закреплен не только в Конституции, но и в ст. 10 ГК РФ»[14].

К примеру, Арбитражный суд Уральского округа в постановлении от 6 октября 2016 г. № Ф09-9067/16 по делу № А60-50921/2014 не принял доводы заявителя кассационной жалобы о необходимости применения в споре договорных условий лизинга, предусматривающих в случае гибели предмета лизинга получение лизингодателем не только страховой выплаты, но и всех остальных лизинговых платежей, а не разъяснений, содержащихся в Постановлении Пленума ВАС РФ № 17, указав, что эти доводы уже были предметом рассмотрения суда апелляционной инстанции и обоснованно им отклонены исходя из наличия признаков злоупотребления правом в случае применения указанных положений договора в условиях банкротства должника при недостаточности его имущества для удовлетворения требований кредиторов. Суд кассационной инстанции обратил внимание на то, что спорный договор лизинга являлся договором присоединения, его условия, определенные лизингодателем, были приняты лизингополучателем в целом, в связи с чем последний был поставлен в положение, затрудняющее согласование иного содержания отдельных условий такого договора, т.е. оказался слабой стороной договора (пункт 8 Постановления Пленума ВАС РФ о свободе договора)[15].

В целях формирования единства судебной практики ВС РФ подготовил Обзор судебной практики по спорам, связанным с договором финансовой аренды (лизинга), утвержденный Президиумом ВС РФ 27 октября 2021 г. (далее — Обзор)[16].

Принципу свободы договора при определении сторонами договора лизинга имущественных последствий его расторжения в Обзоре уделено особое внимание. ВС РФ отчасти повторил ранее высказанные позиции, а также сформулировал новые, которые должны стать ориентиром при разрешении возникающих споров и принятии судебных актов.

Согласно определенному в пункте 25 Обзора подходу имущественные последствия расторжения договора лизинга могут быть урегулированы по соглашению сторон в установленных законом пределах свободы договора. Примечательно, что иллюстрацией примера из судебной практики послужило ранее рассмотренное Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 4 августа 2015 г. № 310-ЭС15-4563 по делу № А68-2906/2014, объектом внимания в котором было соглашение сторон договора лизинга о распределении между ними убытков вследствие прекращения договора и определении завершающей обязанности лизингодателя перед лизингополучателем. Учитывая это, следует полагать, что в отношении договорного регулирования

[13] Документ опубликован не был. Источник — СПС «КонсультантПлюс»

[14] Метелева Ю.А. Уменьшение неустойки в порядке статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации // Вестник арбитражной практики. 2018. № 4. С. 70—78. Цит. по: СПС «КонсультантПлюс»

[15] Документ опубликован не был. Источник — СПС «КонсультантПлюс»

[16] Бюллетень ВС РФ. 2021. № 12

завершающих обязанностей сторон при расторжении договора лизинга действуют иные правила. Последующие положения Обзора служат тому подтверждением.

В соответствии с пунктом 26 Обзора условие договора об уплате лизинговых платежей, причитающихся до окончания действия договора, несмотря на его расторжение и досрочный возврат финансирования, противоречит существу законодательного регулирования отношений сторон по договору выкупного лизинга и является ничтожным.

В деле, приведенном ВС РФ в качестве примера судебной практики, суд пришел к выводу, что взыскание с лизингополучателя причитающейся платы за финансирование исходя из изначального срока действия договора лизинга означало бы, что лизингополучатель продолжает вносить плату за финансирование, которое им возвращено, а лизинговая компания получает возможность извлечь двойную выгоду от предоставления в пользование разным лицам одной и той же денежной суммы. При этом суд отметил, что лизингодатель не лишен права доказывать на общих основаниях (ст. 15, 393 ГК РФ), что ему в результате ненадлежащего исполнения договора лизингополучателем были причинены убытки в форме упущенной выгоды.

В другом деле из условий договора следовало, что при утрате предмета лизинга (его хищении или случайной гибели) договор считается расторгнутым, а лизингополучатель по правилам статьи 4061 ГК РФ обязан возместить лизингодателю потери, связанные с наступлением соответствующего обстоятельства, равные оставшейся сумме неоплаченных лизинговых платежей (в том числе тех, которые подлежали бы уплате по графику платежей при исполнении договора лизинга). Суды также отказали во взыскании рассчитанной вышеуказанным способом суммы, руководствуясь пунктом 15 Постановления Пленума ВС РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств»[17], согласно которому по смыслу статьи 4061 ГК РФ возмещение потерь допускается, если будет доказано, что они уже понесены или с неизбежностью будут понесены в будущем.

Акцентируя внимание на недопустимости злоупотребления правом, ВС РФ в пункте 28 Обзора указал, что условия договора лизинга, ставящие лизингодателя в заведомо лучшее положение, чем он находился бы при надлежащем исполнении договора лизинга, и навязанные лизингополучателю при заключении договора, с учетом конкретных обстоятельств дела могут быть признаны ничтожными на основании статей 10 и 168 ГК РФ.

Таким образом, следуя подходам ВС РФ, изложенным в Обзоре, одни и те же условия договора лизинга об уплате лизингополучателем лизингодателю всех оставшихся лизинговых платежей в случае расторжения договора могут квалифицироваться по-разному в зависимости от того, имело ли место их навязывание:

— если они были приняты лизингополучателем без каких-либо замечаний, они являются ничтожными как противоречащие существу регулирования отношений сторон по договору выкупного лизинга;

— если же лизингополучатель возражал против включения в договор лизинга предложенных лизингодателем условий, но, находясь в положении, затрудняющем согласование иного их содержания, был вынужден заключить договор, они могут быть признаны ничтожными на основании статей 10 и 168 ГК РФ.

Как можно судить исходя из анализа Обзора, при всей распространенности договора лизинга, имеющихся разъяснений ВАС РФ, изложенных в Постановлении Пленума № 17, а также правовых позиций ВС РФ, сформулированных в судебных актах по конкретным делам, на практике до сих пор возникает множество вопросов, связанных с заключением, исполнением и расторжением договора лизинга. Представляется, что выработанные ВС

[17] Бюллетень ВС РФ. 2016. № 5

РФ правовые подходы будут способствовать формированию единой и стабильной судебной практики.

Журнал «Судья», №4–2023, апрель

https://newtech.legal/cabinet/catalog/sudya/4303/5465/